

УДК 159.9.01

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ: «SENSORY PAIN» И «SUFFERING PAIN»

© Владимир Винокуров, Марина Воронцова

POSTCOLONIAL DISCOURSE AND POSTTRAUMATIC SYNDROME: “SENSORY PAIN” AND “SUFFERING PAIN”

Vladimir Vinokurov, Marina Vorontsova

The expression “postcolonial discourse”, which has become a symbol, contains less obvious and hidden psychological and mythological components in its structure along with explicit ones. If we compare the expressions “colonial discourse” and “postcolonial discourse”, then a linguistically obvious discursive parallel will be foisted on us: “modern” and “postmodern.” The parallel indicates a two-stage structure of the expression, in which one step not only duplicates the other, but also precedes it in time and disappears beneath it. The fact that will break through like pain and be expressed as a cry in the “colonial discourse”, will remain an experience and will be expressed through the discourse of pain in the postcolonial one. The studies of these problems were initiated in the philosophy of L. Wittgenstein, in deep psychology and hypnotherapy. To fix and analyze such structures one resorts to the mythologems of “a double” and “twins”. In the internal relation to each other, duplicating structures act as “twins”, taken together they form the figure of a double. In the article, the authors investigate the graphemes and mythologems of Janus and Gemini, forming a two-stage model of perception and experience. The “post-traumatic syndrome” appears in this sense as an experience of suffering from previously experienced pain. The postcolonial discourse, in the direct meaning of the word, implies a colonial trauma. E. Said develops this discourse in space in the sense of “orientalism”. The “postcolonial trauma” initiates regression into the past. The “post-traumatic discourse” in literature makes it possible to regress to a traumatic experience in history. This is what Freud and his followers called “abreaction”, which eliminates inadequate reactions by representing the moment of catharsis.

Keywords: postcolonial discourse, experience, deep psychology, twins, mythologems of Janus, Ludwig Wittgenstein .

Ставшее символом выражение «постколониальный дискурс» в своей структуре содержит, наряду с явными, менее явные и скрытые психологические и мифологические компоненты. Если мы сопоставим выражения «колониальный дискурс» и «постколониальный дискурс», то нам навязывается очевидная в лингвистическом отношении дискурсивная параллель: «модерн» и «постмодерн». Параллель указывает на двухступенчатую структуру выражения, в которой одна ступень не только дублирует другую, но предшествует ей во времени и скрывается под ней. То, что в «колониальный дискурс» прорвется как боль и выразится как крик, в постколониальном останется переживанием и выразится через дискурс боли. Исследования этих проблем были начаты в философии Л. Витгенштейна, в глубинной психологии и гипнотерапии. Для фиксации и анализа таких структур прибегают к мифологемам «двойника» и «близнецов». Во внутреннем отношении друг к другу дублирующие структуры выступают «близнецами», взятые вместе они образуют фигуру двойника. В статье авторы исследуют графемы и мифологемы Януса и Близнецов, формируя двухступенчатую модель восприятия и переживания. «Посттравматический синдром» предстает в этом смысле как переживание страдания от ранее пережитой боли. Постколониальный дискурс в прямом значении слова предполагает колониальную травму, в смысле «ориентализма» Э. Саида развертывает этот дискурс в пространстве. «Постколониальная травма» инициирует регрессию в прошлое. «Посттравматический дискурс» в литературе позволяет осуществить регрессию к травматическому переживанию в истории. Это то, что Фрейд и его последователи называли «отреагированием», которое устраняет неадекватные реакции, представляя момент катарсиса.

Ключевые слова: постколониальный дискурс, переживание, глубинная психология, близнецы, мифологема Януса, Л. Витгенштейн.

Выражение «постколониальный дискурс», ставшее символом, в своей структуре содержит, наряду с явными, менее явные и скрытые психологические и мифологические компоненты. Компоненты могут выступать как отдельными элементами (конституентами), так и отношениями. К явным элементам структуры постколониального образа мира относятся политические, социальные, правовые, культурные и этические компоненты, к менее явным – этические и лингвистические, к скрытым – глубинно-психологические и мифологические элементы и отношения. В выражении «постколониальный дискурс» выделим прежде всего структурные составляющие, поскольку они относятся к различным символам. Если мы сопоставим выражения «колониальный дискурс» и «постколониальный дискурс», то нам навязывается очевидная в лингвистическом отношении дискурсивная параллель: «модерн» и «постмодерн». Параллель указывает на двухступенчатую структуру выражения, в которой одна ступень не только дублирует другую, но предшествует ей во времени и скрывается под ней. Для фиксации и анализа таких структур прибегают к мифологемам «двойника» и «близнецов» (см., напр.: [Жирар]). Во внутреннем отношении друг к другу дублирующие структуры выступают «близнецами», взятые вместе они образуют фигуру двойника. То, что в «колониальный дискурс» прорвется как боль и выразится как крик, в постколониальном останется переживанием и выразится через дискурс боли. «Но вот проблема, – замечает философ XX века Людвиг Витгенштейн, – крик, который нельзя назвать описанием, который примитивнее любого описания, как бы служит описанием душевной жизни. Крик не есть описание. Но имеются переходы. И слова „Мне страшно“ могут быть то дальше, то ближе к крику. Они могут приблизиться вплотную и отдалиться совсем» [Витгенштейн, 2011, с. 274 (IX)]. Через дискурс мы осуществляем регрессивное движение «Я», которое в пределе погружается в само прошлое и воспринимает его как настоящее.

Наиболее закрепившийся в культуре мифологический образ, репрезентирующий двойника, – это образ «Двуликого Януса». Один лик Януса смотрит в прошлое, другой – в будущее, один предлагает регресс, второй – прогресс, но оба они расположены и соединены в точке настоящего. Другим, закрепившимся в культуре образом, выражающим динамику дублирующей структуры, является мифологический образ Близнецов, спроецированный на звездное небо и представленный астрологическим знаком Близнецов, который зафиксирован восходящей к не-

олиту графемой – «♊». Трансформационный изобразительный ряд графических фигур представлен на рис. 1.

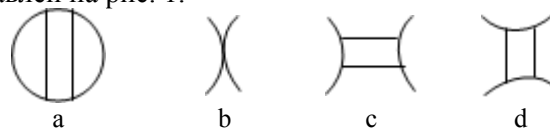

Рис. 1. Последовательные трансформации фигуры Януса: а – исходная фигура (Ф – образная фигура, 4-е тыс. до н. э., энеолит – меднокаменный век); б – два лика Януса; с – промежуточная трансформация; d – астрологический знак «Близнецы».

Рассматривая вопросы исторического генезиса трансформаций древнейших графем палеолита и неолита, А. Голан приходит к двум важным выводам. Во-первых, «образы Близнецов и Януса явно взаимосвязаны. И тот, и другой представляют две половинки года и олицетворяют благие для людей божественные силы. Но соотносении их с мерой времени представляет собой, по видимому, позднее явление. Прообразом Януса, как представляется, был бог земли, а Близнецы – это его дети» [Голан, с. 136]. Во-вторых, основанием образования всех представленных на рисунке графем является восходящая к энеолиту графема рассеченного круга, так называемая, Ф-образная фигура (генезис графического знака Близнецов происходит от фигуры круга, рассеченного вертикальной линией на две половинки, которые разворачиваются друг по отношению к другу на 180° подобно вращающимся каждая вокруг своей оси створкам ворот. Если круг пересекается вертикальной линией и две половинки разворачиваются, то получается графический символ двуликого Януса). Фигура б, занимающая на рисунке среднее положение, относится к историческим графемам 3-го тыс. до н. э. и представляет «связку» двух половинок круга прямыми. Эта фигура представляет горизонтальное начертание астрологического знака Близнецов [Там же, с. 134].

Здесь мы не можем углубляться во все нюансы исторического генезиса графем и их мифологических смыслов, но отметим важную черту. Согласно историческим и мифологическим разысканиям, Янус (Janus) – «(1) староиталийский бог солнечного круговращения, входов и проходов, дверей и ворот, начинаний и завершений, года и времени, двумя своими лицами, старым и молодым, обращенный одновременно в прошедшее и в настоящее: ему были посвящены месяц январь и храм в Риме, двое противоположных ворот которого были закрыты во время мира и открыты настежь во время войны» [Дворецкий, с. 563]. Согласно латинской этимологии, Янус – «(2)

крытый проход, аркада (в частности, около Фору́ма)» [Там же].

Если следовать археологическим исследованиям, то «разделенный круг», лежащий в основании графем, разделен не линией, а лентой (линией, имеющей ширину) с изображением внутри нее пары точек или иногда черточек (ступенек лестницы). А это значит, что промежуточная фигура на нашем рисунке более древняя, поскольку она более непосредственно связана с исходным символом, что и подтверждает этимология – «крытый проход, аркада». Согласно Фасмеру, слово «аркан» в татарском – ‘толстая веревка, канат’ [Фасмер, т. 1, с. 86] и в этом своем значении слово отражает эту деталь древней графемы, особенно если вместо слова «канат» передать его значение словом «шланг».

Ark – основа слова, которым стали обозначать либо всю фигуру, либо эту ее деталь, восходит к древнеегипетскому, откуда оно заимствовано в индоевропейский (не позднее середины второго тысячелетия до н.э.). Глагол *ark* означал ‘завершать’, и слово было связано с похоронными обрядами [Темпл, с. 329]. Единственная удовлетворительная, точно установленная этимология в русском языке слову *arcan*, согласно М. Фасмеру, – это древнерусское и старославянское слово *ра́ка* – ‘гроб с мощами’, восходящее к латинскому *arceō* – ‘запираю’ [Фасмер, т. 3, с. 437–438]. Индоевропейское *ark* приобретает значение ‘начало’, отсюда греческие *archē* – ‘начало, исходная точка’. Таким образом, слово приобретает смысл – ‘начало и конец’. Оно входит в число календарных понятий, означая конец определенного периода и начало нового. Такая передача смысла возвращает нас к графеме круга, а это регрессивное движение к более ранним палеолитическим графемам. Латинское *arcēre* – ‘запирать’, ‘заключать’. *Arcanus* – «1) скрытый, тайный; 2) скрытный, замкнутый, сохраняющий в тайне; 3) молчаливый, безмолвный; 4) таинственный, хранящий в тайне, сокровенный» [Дворецкий, с. 90]. Подытоживая анализ этимологий и графем, мы делаем вывод, что в образе Януса скрыт дополнительный символический элемент, имеющий важное смысловое содержание, скрыт «проход» от прошлого к будущему. И, следовательно, два лика Януса не касаются друг друга в точке настоящего, «начало и конец» связаны линией, имеющей толщину. Это значит, что прошлое и будущее присутствуют в настоящем, но присутствуют скрыто.

Далее мы опять руководствуемся выводом Голана, сделанном на основе обширного эмпирического материала о том, что антропоморфные изображения Януса – это антропоморфизирован-

ные изображения символа и «эволюция шла в обратном направлении, от символа к образу» [Голан, с. 137]. Это значит, что графема Януса и его «тайна двуликости» спроецированы на человека. Фигура «с» – это уже антропоморфный символ, в котором присутствует как образ, так и элемент рефлексии. Если полукружия графем Блинецов и Януса связаны с прохождением солнца по небу (восходящий к палеолиту символ круга), то антропоморфизированный астрологический символ, отождествляющий Солнце с «Я», будет изображать двухфокусное сознание или два «Я», между которыми устанавливается отношение. Но в символах Януса и Блинецов это отношение различно. Два лика Януса, соединенные в точке касания, могут лишь слепо ощущать присутствие друг друга, но не могут друг друга видеть. Перейдя от символа Януса к символу Блинецов, мы переходим к регрессивному восприятию через погружение «Я» одного из близнецов в переживания прошлого посредством регрессии, другого – в переживания будущего посредством прогрессии. Геометрические фигуры двух Блинецов конгруэнтны, но несовместимы в плоскости соединяющей их линии.

Витгенштейн замечал: «Кантовская проблема правой и левой руки, которые не могут совпасть при наложении, существует уже в плоскости и даже в одномерном пространстве, где две конгруэнтные фигуры „а“ и „в“ также не могут совпасть при наложении, не выходя из этого пространства» [Витгенштейн, 2008, с. 208–209 (6.36111)].

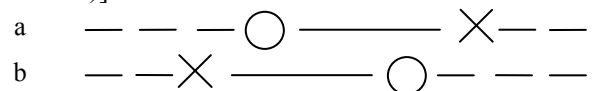

Рис. 2. Одномерная фигура Л. Витгенштейна.

Только в случае выхода за пределы одномерного пространства они могут быть совмещены, это выход за пределы возможного – ни регрессия, ни прогрессия, а т р а н с г р е с с и я .

Дискурс

Рассматривая исторический дискурс астрологии как функцию самой истории астрологии, Дэвид Берлински осуществляет персонификацию астрологических знаков в исторических личностях. Эти личности осуществляли астрологический дискурс в различные эпохи и в различных обстоятельствах. На роль исторической личности, которая осуществляет дискурс Блинецов, Берлински избрал Клавдия Птолемея. Птолемей работал в Александрийской библиотеке и написал два великих, но разных труда – «Альмагест» («Величайший») и «Тетраболис» («Четверокнижие»). Первый труд посвящен астрономии, вто-

рой – астрологии: «Птолемей рассматривал астрономию и астрологию как ветви одной дисциплины» [Берлински, с. 79]. Создавая научную картину движения планет, он создал геоцентрическую систему мира, осуществил прогресс в исследовании природы, создавая астрологическую модель, он пытался вдохнуть новую жизнь в картину мира прошлого. Первая представляла движение небесных тел, вторая должна была устоять значение небесных знаков. В первом произведении больше расчетов, во втором больше человеческого тепла. Птолемей не осознавал, что, создавая первое произведение, он лишил смысла второе. И тем не менее он создал оба. Одно произведение заняло место в прошлом, второе в будущем на полках библиотеки. В первом он рассматривал планеты как движущиеся объекты, во втором – как перемещающиеся и действующие субъекты. Для того чтобы осуществить второе восприятие и описание мира, первое должно было состариться и умереть. Один лик Януса представлялся стариком, второй – юношей.

Дело не в том, что первая картина не приводила его в восхищение и не вызывала эмоций, дело в тревоге, которую создавала поставленная и не решенная задача – задача предсказания будущего. Знание Птолемеем астрологии порождало переживание, которое не находило выхода в созданной им научной картине мира. Мир распался на факты и мифы, возникла мучительная неразрешимая проблема, которая не поддавалась фрустрации и выступала стрессогенным фактором.

Для установления места процессам переживания в сознании Ф. Е. Василюк предложил категориальную типологию режимов функционирования сознания. Типология рассматривает субъект (далее С) – объект (далее О) отношения между наблюдателем и наблюдаемым. Это отношения рефлексии (С – С), сознания (С – О), переживания (О – С), бессознательного (О – О). В случае рассмотрения работы сознания в режиме Близнецов или Януса типологические отношения должны быть удвоены, что представлено на следующей схеме (Рис. 3).

Фиг. А. Поле сознания.

Фиг. В. Поле бессознательного.

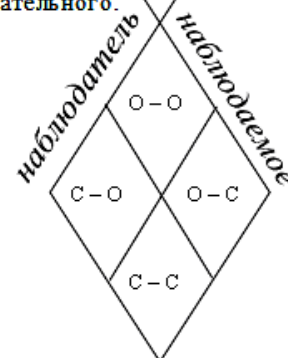

Рис. 3. Схема А – В. «С» – субъект, «О» – объект. Фиг. А. Типология режимов функционирования сознания, предложенная в работе Ф. Е. Василюка [Василюк, с. 18]. С – С – в отношении входят два субъекта, обладающих сознанием (рефлексия); О – С – наблюдатель пассивен, на него воздействует активный объект (переживание); С – О познавательное рациональное отношение («рассудок»); О – О – структура бессознательного. Фиг. В. О – О – оцепенение (тело и боль); О – С – манифестация, давление бессознательного (опечатки, оговорки, описки – З. Фрейд); С – О – ассоциативное (З. Фрейд) и ампликативное (К. Г. Юнг) проникновение субъекта в бессознательное; С – С – регрессия (другое «Я»).

На схеме видно, что регрессия в прошлое включает «проход» через зону бессознательного. Отсутствие перекрытия этой зоны порождает на личном уровне различного рода переживания, связанные с детскими травмами, перинатальными матрицами (Ст. Грофф), на коллективном уровне – «переживание пост», включая переживания архетипических образов per se (К. Г. Юнг, Д. Хиллман [Хиллман, с. 136]). Постколониальный дискурс в прямом значении слова предполагает колониальную травму, в смысле «ориентализма» Э. Саида развертывает этот дискурс в пространстве.

Рассматривая вопрос «постколониальной травмы» как социально-психологическую проблему следует прежде всего обратиться к классическим работам на эту тему, которые получили продолжение в современном научном анализе. Одной из них является работа Зигмунда Фрейда «Психология масс и анализ человеческого „Я“»

(1921). Следует отметить, что в философии, социальной психологии и политологии термины «социальная масса» и «психология масс» получили в дальнейшей несколько другие смыслы. Во времена написания указанной работы еще не было противопоставлений «массы» и «социума», «массы» и «коллектива». На это указывают, в частности, и переводы стоящего в заглавии работы немецкого термина *Massenpsychologie* на английский ('group psychology') и французский ('psychologie collective') языки. Важно то, что Фрейд в ней рассматривает естественные (этносы) и искусственные социальные группы, отмеченные длительностью своего существования. К искусственным социальным группам он относит церковь и армию и с некоторой долей неуверенности – общество социализма. Последняя социальная группа по своей организации ближе к первой, чем ко второй. Ключевым организующим элементом социальных групп, по Фрейду, выступает эмоционально-аффективный компонент, но в искусственных социальных группах он присутствует в явной форме, в то время как в естественных он тесно переплетен с религиозным и этическим (или лучше этиологическим) компонентами. Здесь мы не будем обсуждать эту проблему в ее широком понимании, а остановимся на трех моментах, отмеченных в указанной работе, которые определяют эмоционально-аффективное основание организации масс: «коллективное торможение», «повышение аффективности» и «регрессия».

Первый момент проявляется в процессе колонизации как торможение или ускорение развития этнических культурных страт, в зависимости от культуры «суперстраты». Если речь идет о военной или миграционной колонизации, то в обоих случаях аффективный потенциал в традиционном обществе и культуре либо возрастает, либо падает, поскольку ее естественное развитие либо тормозится, либо ускоряется. Ассимиляция происходит только в случае образования единого культурно-хозяйственного ареала. Если термин «торможение» переводить на современный язык, то можно говорить о возникновении разности потенциалов между прошлым и настоящим этноса. У Фрейда это был рост потенциала «энергии либидо», которая перенаправляется на вождя. Однако может и не перенаправляться, тогда ее следствием будет либо все более плотная консолидация группы, либо паника, к примеру вследствие убийства командира, как, например, в библейской истории Юдифи и Олоферна. Следовательно, два момента «торможение» и «рост аффективности» в социальной группе взаимосвязаны.

Момент «регрессии» проявляется, когда Фрейд рассматривает тему внушаемости (суггестии) социальной группы, регрессия осуществляется через возвращения к детским эмоциям и влечениям, к формированию «Я – идеала» или идеализированного восприятия своего этноса. Фрейд сравнивает возрастающую суггестивность группы с состоянием «гипнотического внушения». Место «Я – идеала» занимает гипнотизер. Этот момент сравнения с гипнозом можно считать продуктивным, но не укладывающимся в его теорию сексуальных влечений, на что, впрочем, указывает сам Фрейд. Не укладывается момент, в котором гипнотическое состояние характеризуется как состояние «влюбленности при исключении чисто сексуальных стремлений». Это очень важный момент, поскольку Фрейд не придает значения процессу «сенсорной депривации», сопровождающему гипнотическую индукцию. Он считает ее следствием внушения анестезии. В современной литературе «сенсорная депривация» сопровождает сам процесс погружения в гипноз и разворачивается до достижения гипнотического состояния и до оказания суггестивного воздействия. Это частный момент, однако он имеет важные следствия. В данном состоянии не достигается «обезболивание» пациента, но сужается сенсорный контакт с миром, сужается горизонт восприятия «Я». Пациент чувствует боль, но только свою. Если речь идет о социальной группе, то «боль» функционирует внутри аффективно сопряженных ей индивидуумов. Исследование переживания боли и страдания индивидуумом относится к постгипнотическим последствиям, а изучение этой проблемы является результатом развития психодинамических и когнитивных исследований второй половины XX – начала XXI века. Во-первых, к результатам относится уточнение понятия «регрессия», а именно: следует различать личную и структурную регрессию. Последняя затрагивает и регрессию социальных групп, при которой актуализируются прошлые, вплоть до мифологических и примитивных, формы социального восприятия. Во-вторых, различаются понятия боль и страдание, *sensory pain* и *suffering pain* соответственно. *Suffering pain* включает сознательное восприятие боли (переживание боли). В-третьих, и это, на наш взгляд, самое существенное, начиная с работ Л. Витгенштейна «боль другого» воспринимается не через образ, подобие и аналогию с собственной болью, а с воображением себя на месте другого. Иными словами, боль «другого» должна восприниматься как собственное страдание. Это либо проникновение в сознание другого и замещение его «Я», либо регрессия в

прошлое. Иначе восприятие боли будет механическим. Только переживающий страдание вступает в мир, где есть боль, и только переживающий сострадание чувствует боль другого. Регрессивной непосредственной формой переживания боли является «стон», а не выражение «мне больно». «Посттравматический синдром» предстает в этом смысле как переживание страдания от ранее пережитой боли. «Постколониальная травма» сопровождает регрессию в прошлое. Это, в свою очередь, требует понимания того, что «постколониальный социум» в социально-психологическом плане должен сам принять решение о своем историческом пути. «Посттравматический дискурс» в литературе позволяет осуществить регрессию к травматическому переживанию в истории. Это то, что Фрейд и его последователи называли «отреагированием», которое устраняет неадекватные реакции, представляя момент катарсиса. «Отреагирование» разделяет боль и страдание, превращая прошлое в настоящее.

В образе героя можно обнаружить черты первобытного воина и охотника. Они сохранились в древнегреческих мифах о подвигах Геракла. Это был сильный муж и то, что он рассчитывал только на свою силу, было его величайшей ошибкой и безумием. Этим он прогневал богов и в наказание был отдан в рабство царице Лидии Омфале. Согласно мифу, Геракл носил женскую одежду и прядя пряжу, разматывая и распутывая нити своей судьбы. В рабстве у Омфалы Гераклу предстояло вплести свою нить в новую ткань жизни и получить новые одежды. Символ Солнца в мифологии связан с образом героя, который, в конечном счете, хочет победить историю. Миф о Геракле говорит, что нельзя силой победить страдание, но можно его пережить и тогда понять и принять. В народных преданиях и сказках герой, несмотря на приключения и все ужасы судьбы, достигает цели. Следовательно, столкновение со временем – элемент героического мифа, и он раскрывает структуру Близнецов, два фокуса «Я», составляющих основополагающую структуру постколониального дискурса.

Список литературы

Берлински Д. Испытание астрологией или предсказание как искусство. М.: КоЛибри, 2008. 448 с.

Василиук Ф. Е. Психология переживания (перевод с нем. Л. Добросельского). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 200 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Аст: Астрель, 2011. 347 с.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

Темпл Р. Мистерия Сириуса. М.: Эксмо, 2006. 528 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 1–4.

Хиллман Д. Архетипическая психология. М.: Когито-Центр, 2006. 351 с.

References

Berlinsky, D. (2008). *Iskushenie astrologiei ili predskazanie kak iskusstvo* [The Secrets of the Vaulted Sky. Astrology and the Art of Prediction]. 448 p. Moscow, KoLibri. (In Russian)

Dvoretckii, I. Kh. (1976). *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. 1096 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Latin, in Russian)

Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymologic Dictionary of Russian]. Vol. 1–4. Moscow, Progress. (In Russian)

Golan, A. (1993). *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. 375 p. Moscow, Russlit. (In Russian)

Khillman, D. (2006). *Arkhetipicheskaia psikhologiya* [Archetypal Psychology]. 351 p. Moscow, Kogito-Tsentr. (In Russian)

Templ, R. (2006). *Misteriua Siriusa* [The Sirius Mystery]. 528 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Vasiliuk, F. E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniia* [Psychology of Experiencing]. 200 p. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta. (In Russian)

Vitgenshtein, L. (2008). *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. 288 p. Moscow, “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiia”. (In German, in Russian, in English)

Vitgenshtein, L. (2011). *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical Investigations]. 347 p. Moscow, Ast: Astrel. (In Russian)

Zhirar, R. (2010). *Nasilie i sviashchennoe* [Violence and the Sacred]. 448 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2017

Поступила в редакцию 27.05.2017

Винокуров Владимир Васильевич,
кандидат философских наук,
доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27.
ieroshp@mail.ru

Воронцова Марина Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27.
mworonzowa@mail.ru

Vinokurov Vladimir Vasilievich,
Ph.D. in Philosophy,
Associate Professor,
Moscow State University,
named after M.V. Lomonosov,
27 Lomonosovsky Prospect,
Moscow, 119991, Russian Federation.
ieroshp@mail.ru

Vorontsova Marina Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State University,
named after M.V. Lomonosov,
27 Lomonosovsky Prospect,
Moscow, 119991, Russian Federation.
mworonzowa@mail.ru